63.3(2)16
9(с)17
П21
17-21

КАРТИНЫ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ОТЪ РЮРИКА ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО

С. Павловича.

ВЫПУСКЪ II.

ЯРОСЛАВЪ I И РУССКАЯ ПРАВДА.

Съ 12 рисунками.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

САНКТПЕТЕРВУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, № 39.
1881.

ИРБИТСКАГО
ГОРОДСКАГО
...АЛЬНАГО
УЧ... ЩА.
№ 53

П. 21(2)

ф. Y

Школа I ст. №1.

мевает исполком — не подвел ли нас Взок, которо
поручено сделать заказ?» Запрашивают Взок. Получа
ответ: «Чертежи утверждены и переданы при подпис
нии договора». Запрашивают М. С-т. Последний от
чает: «Завод поступил правильно, так как чертежи
утверждены заказчиком». Снова летят телеграммы. О
твердят: «Чертежи утверждены и переданы». Дру
отвечают: «Мы не получали». Годовщина Октябрьск
революции, как говорится, «на носу». Электростан
достроена, но стоит без оборудования. Обратились
ОБЖ НК РКИ. Добровольцы ОБЖ, — рабочие с п
изводства, — придя в М. С-т, попросили дать им п
смотреть переписку. И на второй странице дела наш
«При сем препровождается для исполнения договор
31 мая и утвержденные заказчиком чертежи».

«Где же были глаза у работников М. С-та и
завода?» спрашивают добровольцы.

9(С)
П-21
91
К-21.

О
П. 21г
ф.

КАРТИНЫ
РУССКОЙ ИСТОРІИ

С. Павловича.

ВЫПУСКЪ II.

ЯРОСЛАВЪ I И РУССКАЯ ПРАВДА.

Инв. 777

ПРОВЕРЕНО

муниципальное казённое учреждение
культуры Муниципального
образования город Ирбит
«Библиотечная система»

Изданіе редакціи „ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая № 39.
1881.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 января 1881 года.

БЛАСКОВЪ ПОЛЬЗИНЪ

КАЛЬКИРЪ

ЯРОСЛАВЪ I И РУССКАЯ ПРАВДА.

У князя Владиміра, о дѣлахъ котораго мы говорили, было очень много сыновей и притомъ отъ матерей разныхъ. Болѣе всѣхъ другихъ онъ любилъ Бориса, а потомъ Глѣба. Полагаютъ, что эти два брата были отъ греческой царевны, оттого-то Владиміръ, сдѣлавшись самъ христіаниномъ, и ласкалъ болѣе дѣтей, рожденныхъ отъ христіанки и притомъ царской крови. Свое предпочтеніе и любовь этимъ сыновьямъ онъ оказывалъ еще при жизни, и, раздавъ другимъ дѣтямъ разныя земли, Бориса онъ держалъ при себѣ, чѣмъ явно показывалъ, что послѣ смерти своей желаетъ передать ему Кіевское княжество. Такое предпочтеніе младшаго брата было непріятно Ярославу, который былъ старше Бориса, а въ особенности еще болѣе не нравилось оно самому старшему брату—Святополку.

Раздраженіе довело Ярослава до того, что онъ уже готовился воевать съ своимъ отцомъ; но тотъ скончался. Во время кончины Владиміра Бориса не случилось въ Кіевѣ: отецъ послалъ его въ то время войною на печенѣговъ. Хотя бояре, которые были за Бориса, и послали къ нему извѣщеніе, а самого Владиміра между тѣмъ не хоронили и даже три дня скрывали отъ всѣхъ самую смерть, однако Борисъ опоздалъ, ибо Святополкъ успѣлъ уже тѣмъ временемъ склонить подарками на свою сторону кіевлянъ и, въ отсутствіе Бориса, завладѣлъ княжескимъ престоломъ. Боясь однако Бориса и Глѣба и желая отъ нихъ избавиться во что бы ни стало, Святополкъ рѣшился на злодѣйскій поступокъ. Онъ порѣшилъ извести обоихъ братьевъ смертію. И вотъ нашлись убійцы, которые, по приказанію Святополка, тайно отправились къ Борису и Глѣбу, чтобы исполнить свой злодѣйскій умыселъ.

Извѣстіе о смерти отца своего и о вступленіи на престолъ Святополка, получилъ Борисъ недалеко отъ Переяславля. Услышавъ это, онъ горько заплакалъ и разсказалъ объ этомъ дружинѣ своей; та начала уговаривать его не покоряться Святополку; но добродѣтельный князь, почитая своего старшаго брата, отвѣчалъ твердо и рѣшительно: «Нѣтъ, никогда я не подниму руки моей на того, кто мнѣ остался теперь вмѣсто отца». Видя такую рѣшимость Бориса, многіе изъ дружины его были недовольны имъ, и оставили своего князя; при немъ же осталось небольшое число дружинниковъ. Этимъ-то и воспользовались посланные убійцы. Тихо ночью подкрались они ночью къ палаткѣ княжеской, раскинутой на рѣкѣ Альтѣ, но не рѣшились сразу на свое гнусное злодѣйство: въ это время у князя шла заутреня. Выждавъ, когда окончилась божественная служба, когда дружинники разошлись, а самъ князь легъ въ постель, убійцы ворвались въ палатку князя и убили какъ его самаго, такъ и вѣрнаго служителя его Георгія.

Исполнивъ это злодѣйское дѣло, они сорвали палатку, завернули въ нее тѣло несчастнаго князя, бросили его на телѣгу и повезли къ Святополку.

Скоро такая же горестная участь постигла и другаго брата—Глѣба. Во время кончины своего отца онъ былъ въ Муромѣ, гдѣ и получилъ отъ Святополка приглашеніе пріѣхать въ Кіевъ. Ничего не подозрѣвая, онъ отправился въ путь съ небольшою дружиною. На дорогѣ онъ повредилъ себѣ ногу, почему долженъ былъ сѣсть въ лодку и продолжать путь водою по Днѣпру. Не доѣзжая до Смоленска, онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ посланными Святополка. Дружина хотѣла-было защищать своего князя, но Глѣбъ, видя, что сила на сторонѣ враговъ, остановилъ свою дружину слѣдующи-

Центральный

ми словами: «Не троньте ихъ,—ихъ много, а насъ мало; они пересилятъ насъ и всѣхъ перебьютъ; пусть же берутъ меня одного и свезутъ къ брату; онъ вѣрно освободитъ меня, ибо зачѣмъ ему моя жизнь»? Въ то время какъ Глѣбъ произносилъ эти слова, собственный поваръ его, также подкупленный, бросился на своего господина и зарѣзалъ его.

Наконецъ не избѣгъ рукъ злодѣя и третій сынъ Владиміра, князь древлянскій Святославъ. Услыхавъ о злодѣйствахъ Святополка, онъ думалъ спастись, убѣжавъ въ Венгрію. Однако ему это не удалось: на пути его догнали убійцы въ Карпатскихъ горахъ и умертвили.

Православная церковь причла мучениковъ Бориса и Глѣба къ лику святыхъ.

Убивъ трехъ своихъ братьевъ, Святополкъ соединилъ подъ своею рукою Кіевъ, Древлянскую область и другія русскія земли, и думалъ, что теперь онъ твердо сѣлъ на княжескомъ престолѣ. Однако ему готовилась совсѣмъ другая судьба и готовилась жестокая казнь за совершенныя надъ братьями злодѣйства.

Ярославъ, какъ уже сказано было выше, поссорился съ отцомъ своимъ, и только смерть Владиміра не допустила войны между отцомъ и сыномъ. Не надѣясь на свои собственныя силы, Ярославъ нанялъ за моремъ варяговъ, привелъ ихъ въ Новгородъ и разставилъ по квартирамъ городскихъ жителей. Вскорѣ новгородцы поссорились съ варягами, и нѣкоторые изъ варяговъ были убиты горожанами. Ярославъ, желая новгородцамъ отмстить за смерть варяговъ, пригласилъ многихъ новгородцевъ на пиръ и тамъ вѣроломно умертвилъ ихъ. Въ это-то самое время онъ вдругъ получаетъ извѣстіе о смерти своего отца, и вслѣдъ за тѣмъ узнаетъ объ убійствѣ Святополкомъ троихъ своихъ братьевъ. Въ такой крайности ему оставалось какъ можно скорѣе помириться съ новгородцами. Онъ это и сдѣлалъ.

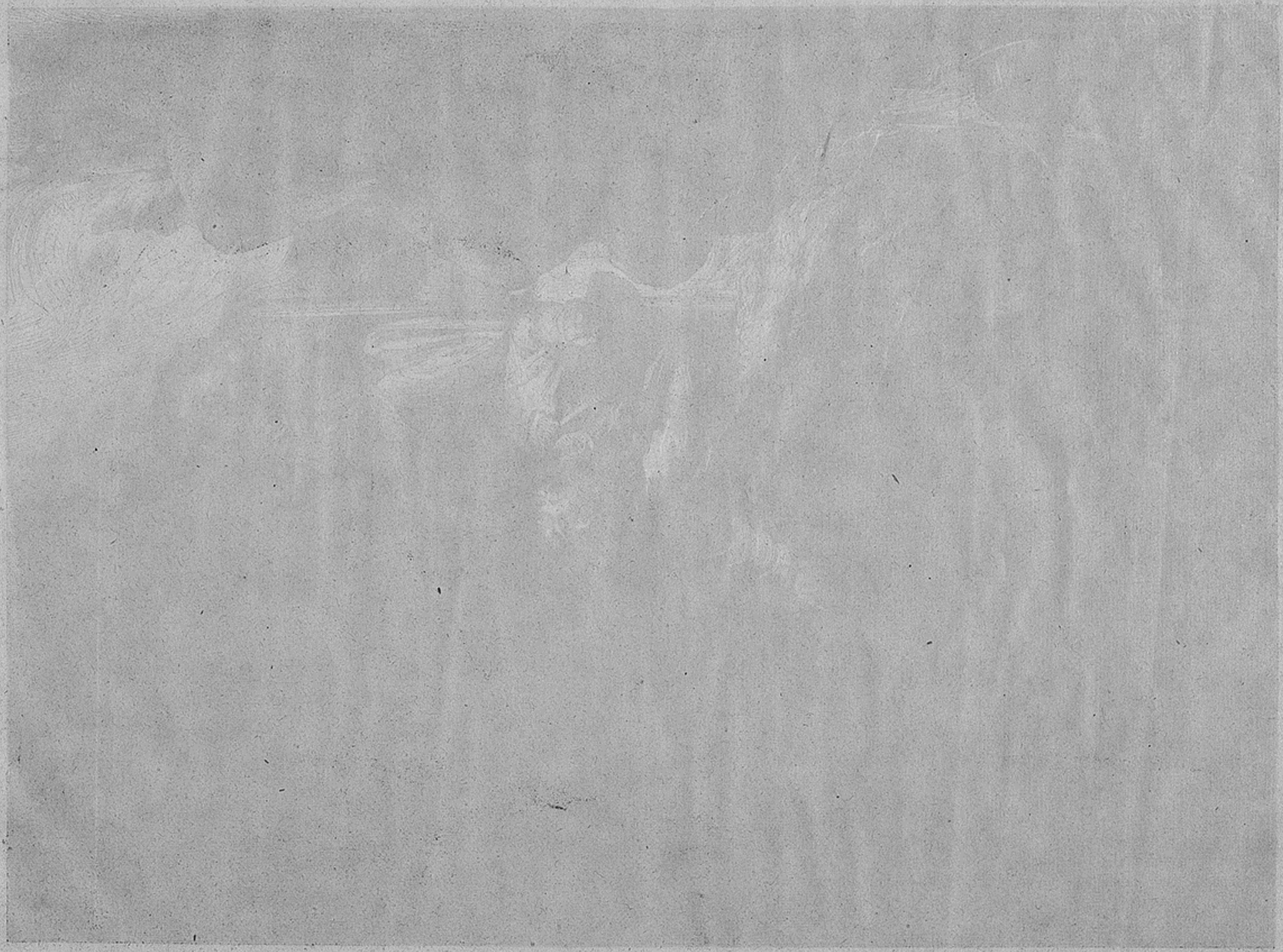
Собравъ до 40,000 воиновъ русскихъ и 1,000 варяговъ, Ярославъ пошелъ противъ Святополка и встрѣтился съ нимъ подъ городомъ Любечемъ. Оба брата съ своими дружинами стояли на разныхъ берегахъ Днѣпра; дружина одного князя подсмѣивалась надъ дружиною другаго. Наконецъ новгородцы не вытерпѣли насмѣшекъ святополковыхъ кіевлянъ, называвшихъ новгородцевъ плотниками. Они бросились въ лодки, переплыли рѣку и вступили въ кровавый бой съ дружиною Святополка. Сѣча была жестокая и кіевляне не устояли: они обратились въ бѣгство; Ярославъ вступилъ въ Кіевъ, а разбитый Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ тестю своему, королю Болеславу.

Король польскій Болеславъ захотѣлъ помочь своему зятю, да кстати и поживиться на счетъ земли Русской. Сначала онъ подбилъ печенѣговъ, чтобы тѣ напали на Ярослава, а когда тотъ одолѣлъ печенѣговъ, то Болеславъ самъ явился въ Кіевское княжество, разбилъ на рѣкѣ Бугѣ дружину Ярослава, такъ что тотъ опять бѣжалъ въ Новгородъ, а Болеславъ вступилъ въ Кіевъ. Добравшись до Кіева, Болеславъ и не думалъ помогать Святополку, а спокойно усѣлся въ русскомъ городѣ, отпустивъ домой часть дружины, а другую разставивъ по квартирамъ у русскихъ.

Кіевъ въ то время имѣлъ въ себѣ много привлекательнаго: собиравшаяся сюда дань съ подвластныхъ Кіеву земель обогащала городъ, а торговля съ Греціею и Востокомъ наполняла его такими предметами тогдашней роскоши, что жить въ Кіевѣ было очень весело. Однимъ словомъ, нашъ Кіевъ такъ понравился польскому королю Болеславу, что онъ, засѣвъ въ немъ, и не думалъ оттуда уходить, а хотѣлъ въ немъ навсегда поселиться и изъ Кіева править своимъ Польскимъ королевствомъ. Тогда Святополкъ увидѣлъ, что ошибся въ своемъ разсчетѣ на помощь польскаго короля, и началъ подумывать о томъ, какъ бы выжить его изъ Кіева. Сами поляки очень помогли въ этомъ дѣлѣ Святополку: они стали обходиться съ

Святополкъ окаянный.

кіевлянами заносчиво и высокомѣрно, какъ господа съ рабами. Когда же неудовольствіе кіевлянъ на такое обращеніе съ ними поляковъ дошло до крайности, то Святополкъ началъ подговаривать русскихъ убивать поляковъ, которые, бывъ разбросаны по разнымъ городамъ, не могли помогать другъ другу. Увидя себя въ опасномъ положеніи, король польскій убѣжалъ изъ Кіева въ Польшу, и захватилъ съ собою княжеское имущество и сестру Ярослава Предславу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ завладѣлъ тѣми городами, которые были отняты у поляковъ Владиміромъ.

Избавившись отъ Болеслава и его поляковъ, Святополкъ остался въ Кіевѣ одинъ. Но вскорѣ ему пришлось опять биться съ Ярославомъ.

Ярославъ, разбитый поляками, бѣжалъ, какъ уже было сказано, опять въ Новгородъ. Новгородцы поддержали своего князя, не пустили его, какъ онъ хотѣлъ бѣжать за море къ варягамъ, а наложили на себя дань, собрали большую дружину и пошли на Святополка войною. Оба брата сошлись на берегу рѣки Альты, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Святополкомъ нѣсколько времени назадъ была пролита неповинная кровь своего брата Бориса. Здѣсь произошла кровавая сѣча, въ которой Ярославъ на-голову разбилъ Святополка.

Послѣ этого сраженія на Святополка напалъ какой-то невѣдомый страхъ; разумъ его помутился, тѣло его совершенно ослабѣло и онъ уже не могъ сидѣть на конѣ. Перстъ Божій началъ видимо карать братоубійцу. Его должны были нести на носилкахъ и донесли до Бересты (нынѣшній городъ Брестъ). Въ дорогѣ онъ, постоянно пугаясь, кричалъ: «Бѣжимъ, бѣжимъ, за нами гонятся». Провожавшіе его удивлялись, посылали узнать кто гонится, и никого не находили, потому что въ самомъ дѣлѣ никто за нимъ не гнался; а онъ между тѣмъ, все время указывая въ безумномъ страхѣ назадъ, кричалъ въ безпамятствѣ: «Вотъ, вотъ они; бѣжимъ; они гонятся». Такъ въ сумасшествіи забѣжалъ онъ куда-то далеко, въ какую-то пустыню, да въ ней и покончилъ свою преступную жизнь. Гдѣ онъ именно умеръ, — никому не извѣстно; но память его покрылась вѣчнымъ позоромъ: современники прозвали его Окаяннымъ, и имя это осталось за нимъ въ исторіи до настоящаго времени.

Покончивъ дѣло съ Святополкомъ, Ярославъ, сдѣлавшись единъ княземъ, выдержалъ еще борьбу съ другими своими родственниками. Прежде всего онъ долженъ былъ драться съ княземъ полоцкимъ Брячиславомъ, которому по замиреніи отдалъ Витебскъ, а въ 1023 году вступилъ въ борьбу съ Мстиславомъ, своимъ братомъ.

Этотъ Мстиславъ, одинъ изъ сыновей Владиміра, былъ плотный тѣломъ, краснолицый, съ большими глазами, отважный въ битвѣ и щедрый къ дружинѣ. Еще при жизни отца своего онъ получилъ во владѣніе, или, какъ тогда говорили, въ удѣлъ, отдаленное княжество Тмутараканское. Тамъ онъ прославился своими богатырскими подвигами и удалью, а въ особенности былъ извѣстенъ единоборствомъ своимъ съ касожскимъ княземъ Редедею. Этотъ князь продложилъ Мстиславу побороться съ тѣмъ, что кто одолѣетъ, тотъ возьметъ себѣ царство, жену и дѣтей того, кто будетъ побѣжденъ. Мстиславъ согласился, и началъ бороться съ Редедею, который былъ великанъ и имѣлъ необыкновенную силу. Мстиславъ уже изнемогалъ въ борьбѣ, и Редедя уже начиналъ пересиливать Мстислава. Но въ это время русскій князь взмолился Богородицѣ и обѣщалъ построить во имя Ея церковь, если побѣдитъ своего врага. Помолившись, онъ собралъ свои силы, повалилъ Редедю на землю и зарѣзалъ его. По условію, онъ завладѣлъ теперь имуществомъ, женою и землею касожскаго князя, наложилъ на косоговъ дань, а въ Тмутаракани построилъ храмъ во имя Богородицы.

Мстиславъ поднялся теперь на Ярослава, сошелся съ его дружиною близъ Листвена и разбилъ своего брата, который опять убѣжалъ въ Новгородъ. Однако Мстиславъ удовольствовался только побѣдою, помирился съ своимъ братомъ и предложилъ ему раздѣ-

лить Русь пополамъ: себѣ онъ бралъ земли по лѣвую сторону Днѣпра, а брату отдалъ Кіевъ съ землями по правую сторону Днѣпра. Такъ какъ Ярославъ на это согласился, то оба брата усѣлись: одинъ въ Кіевѣ, другой въ Черниговѣ, и съ тѣхъ поръ жили между собою весьма дружно до самой смерти Мстислава, которая случилась въ 1036 году. Когда-же Мстиславъ умеръ, то Ярославъ взялъ себѣ и лѣвую сторону Днѣпра. Такимъ образомъ вся Русская земля опять соединилась подъ властью одного князя Ярослава.

Со времени смерти Мстислава Ярославъ принялся за устройство Русской земли, начавъ съ ея расширенія. Онъ воевалъ съ Чудью, и въ землѣ Чудской основалъ русскій городъ Юрьевъ, который потомъ прозвался Дерптомъ и подъ этимъ названіемъ извѣстенъ и теперь; воевалъ противъ ятвяговъ, литовцевъ, печенѣговъ и наконецъ съ Греціею. Послѣдняя война кончилась впрочемъ неудачно, ибо буря разметала наши корабли и выкинула ихъ на берегъ, гдѣ русскіе и были взяты въ плѣнъ. Изъ всѣхъ враговъ земли Русской Ярославъ окончательно уничтожилъ печенѣговъ, которыхъ на-голову разбилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь въ Кіевѣ стоитъ храмъ св. Софіи, построенный Ярославомъ въ память побѣды своей надъ печенѣгами. Съ тѣхъ поръ печенѣги уже не дѣлали набѣговъ; часть ихъ поселилась на Русской землѣ и они служили князьямъ наравнѣ съ русскими. Сынъ Ярослава Владиміръ построилъ въ Новгородѣ церковь также во имя св. Софіи на тотъ же образецъ, какъ кіевская, только поменьше размѣромъ.

Кромѣ св. Софіи, Ярославъ построилъ еще и другія церкви и монастырь св. Георгія.

Не забылъ Ярославъ и новгородцевъ, которые не разъ выручали его изъ бѣды и помогали ему воевать съ врагами. Онъ далъ Новгороду большія льготы и поставилъ его такъ, что онъ почти не зависѣлъ отъ Кіева.

Во время княженія Ярослава христіанская вѣра окончательно утвердилась въ землѣ Русской; Ярославъ, по примѣру Владиміра, собралъ въ Новгородѣ до 300 дѣтей у старостъ и поповъ, и отдалъ ихъ учиться грамотѣ и священному писанію. Самъ онъ любилъ чтеніе и бесѣды съ книжными людьми; печатныхъ книгъ въ то время не было, потому что печатать еще не умѣли, а потому Ярославъ собралъ знатоковъ и велѣлъ имъ перевести съ греческаго языка на русскій и переписать разныя духовныя сочиненія. Сознавая, что только грамота можетъ просвѣтить народъ, онъ въ праздничные дни нерѣдко собиралъ въ Софійскую церковь учащихся съ ихъ наставниками и передъ всѣмъ народомъ самъ испытывалъ въ грамотности дѣтей.

Болѣе всего прославился Ярославъ тѣмъ, что далъ народу первые писанные законы, которые извѣстны подъ именемъ **Русской Правды**. Въ этихъ законахъ толковались разные случаи проступковъ и преступленій, назначались за нихъ наказанія. По этимъ законамъ еще долго послѣ Ярослава производились судъ и расправа по всей землѣ Русской.

Ярославъ же поставилъ перваго митрополита изъ русскихъ людей. До тѣхъ поръ не только митрополита, но даже епископовъ ставили въ Россію греки. Греческій патріархъ выбиралъ, посвящалъ и посылалъ въ Русскую землю какъ митрополитовъ, такъ и епископовъ; выборъ же обыкновенно дѣлалъ или изъ грековъ, или изъ болгаръ. Изъ русскихъ-же людей ставились только священники. Первымъ русскимъ митрополитомъ былъ Иларіонъ, благочестивый старецъ, котораго Ярославъ самъ зналъ. До посвященія своего въ митрополиты жилъ Иларіонъ недалеко въ Кіева, въ селѣ Берестовѣ, гдѣ служилъ священникомъ въ церкви святыхъ Апостоловъ. Въ село это любилъ ѣздить Ярославъ, бывалъ тамъ весьма часто и узналъ Иларіона, который былъ человѣкомъ добрымъ, книжнымъ и строгимъ постникомъ. Иларіонъ для молитвы часто уходилъ въ лѣсъ надъ Днѣпромъ и тамъ даже выкопалъ себѣ пещеру. Такого-то благо-

честиваго старца и поставилъ Ярославъ главою русскаго духовенства.

Съ этого времени вырытая Иларіономъ пещера осталась пустою. Это однако было не долго, ибо въ ней въ скоромъ времени поселился святой Антоній, который основалъ Печерскій монастырь, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

Черезъ три года послѣ поставленія Иларіона умеръ Ярославъ, у котораго оставалось пять сыновей; между ними старшій былъ Изяславъ. Этому-то Изяславу Ярославъ отдалъ Кіевъ, а прочимъ сыновьямъ другіе города. Думая послѣ смерти своей сохранить порядокъ въ землѣ Русской, Ярославъ указалъ своимъ дѣтямъ слѣдующія правила:

1) Старшій въ родѣ Ярослава долженъ владѣть Кіевомъ и называться великимъ княземъ, которому обязаны повиноваться всѣ другіе князья. Каждый изъ этихъ князей былъ полнымъ хозяиномъ въ томъ городѣ и въ той землѣ, которые онъ получилъ отъ Ярослава; тамъ, у себя дома, онъ судилъ и рядилъ своихъ подданныхъ, и собиралъ съ нихъ въ свою казну всякіе доходы. Владѣнія такихъ князей, которымъ Ярославъ удѣлилъ города и земли, назывались удѣлами, а сами князья удѣльными.

2) Главнымъ судьею между удѣльными князьями былъ поставленъ великій князь кіевскій; онъ долженъ былъ сохранять порядокъ во всей землѣ Русской, мирить между собою удѣльныхъ князей, защищать слабыхъ отъ сильныхъ, и въ случаѣ надобности могъ даже отнять у удѣльнаго князя его землю и города. Это онъ впрочемъ могъ дѣлать не иначе, какъ съ согласія всѣхъ другихъ князей.

3) Если умретъ великій князь кіевскій, то на престолъ садился не старшій сынъ его, какъ это дѣлается вездѣ теперь, но второй братъ умершаго князя, а послѣ него — третій, и такъ до тѣхъ поръ, пока останется послѣдній братъ. Когда же послѣдній братъ умретъ, то тогда только на великокняжескій престолъ садится сынъ старшаго брата, который опять-таки по смерти своей передаетъ престолъ не сыну своему, а старшему послѣ него брату родному или двоюродному.

Такой порядокъ наслѣдства престола въ землѣ Русской, продолжавшійся очень долго, принесшій Россіи много вреда и стоившій ей много крови княжеской и народной, называется удѣльнымъ порядкомъ. Не думалъ при жизни своей Ярославъ, что этотъ послѣдній его законъ, который съ виду былъ такъ хорошъ и обѣщалъ миръ и спокойствіе землѣ Русской, на дѣлѣ принесетъ ей много невзгодъ и слезъ. А смуты черезъ то на Руси были большія; о нихъ мы скажемъ послѣ, а теперь докончимъ исторію Ярослава.

Собираясь умирать, Ярославъ призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и сказалъ имъ слѣдующія слова:

«Отхожу я отъ этого свѣта, дѣти мои; имѣйте между собою любовь, потому что вы братья, одного отца и одной матери дѣти. Если будете любить другъ друга, то Богъ будетъ съ вами и покоритъ всѣхъ супротивныхъ, и станете жить мирно; если же будете съ ненавистью ссориться, то погибнете сами и погубите землю, которую отецъ и дѣдъ вашъ добыли трудомъ великимъ. Пребывайте мирно, слушайтесь, какъ меня слушали, старшаго брата Изяслава, которому оставляю старшій городъ Кіевъ; Святославу даю Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленскъ, Игорю — Владиміръ Волынскій. Если кто обидитъ брата, то помогайте тому, кого обидѣли».

Затѣмъ уже больной поѣхалъ Ярославъ въ Вышгородъ, разболѣлся тамъ еще болѣе и умеръ, въ 1054 году, на рукахъ своего любимаго сына Всеволода. По смерти его, тѣло его перевезли въ Кіевъ, положили въ мраморную гробницу и похоронили въ церкви св. Софіи.

Теперь можно бы было разсказать, что случилось послѣ смерти Ярослава и какіе непорядки начались въ землѣ Русской; но прежде скажемъ о такихъ происшествіяхъ, которыя начались еще при жизни Ярослава и были очень важны для Русской земли. Мы будемъ гово-

рить теперь о знаменитомъ русскомъ монастырѣ и о первыхъ святыхъ угодникахъ земли Русской, которые своими молитвами, добрыми дѣлами и смиреніемъ прославились еще при жизни своей, а по смерти удостоились быть причисленными къ лику святыхъ.

АНТОНІЙ И ѲЕОДОСІЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

Выше было сказано, что когда Ярославъ поставилъ русскимъ митрополитомъ Иларіона, то вырытая имъ пещера, куда онъ уходилъ для молитвы, не долго оставалась пустою. Ее занялъ другой монахъ — Антоній, родомъ изъ Любеча. Этотъ Антоній еще прежде ходилъ на Аѳонскую гору, и тамъ подстригся въ монашескій санъ. Когда онъ возвратился въ Кіевъ, то здѣсь уже были монастыри, но ими не былъ доволенъ Антоній, видѣвшій на Аѳонѣ строгую монашескую жизнь. Поэтому онъ, по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, поселился въ пустой пещерѣ Иларіона, и тамъ изнурялъ себя постомъ и молитвою, принимая только хлѣбъ и воду, да и то черезъ день. Примѣръ его привлекъ къ нему сначала одного священника Никона, а потомъ Ѳеодосія, который и положилъ первое начало Печерскому монастырю, и донынѣ находящемуся въ Кіевѣ. Объ этомъ-то иконѣ Ѳеодосіи мы и поговоримъ.

Ѳеодосій былъ сынъ достаточныхъ и почтенныхъ христіанскихъ родителей, жившихъ недалеко отъ Кіева, въ городѣ Василевѣ, который теперь называется Васильковымъ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ рожденія Ѳеодосія, родители его переселились въ городъ Курскъ.

На тринадцатомъ году возраста онъ потерялъ своего отца, который умеръ. Съ этого времени Ѳеодосій началъ еще болѣе трудиться и сталъ даже ходить на работу съ своими рабами. Услышавъ о святыхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ нашъ Господь, онъ пожелалъ идти туда и тамъ помолиться. Но это ему не было суждено.

Однажды пришли въ Курскъ странники. Увидѣвъ ихъ, благочестивый юноша обрадовался, и съ любовью и ласкою спросилъ ихъ: кто они, откуда и куда идутъ. Когда же они сказали ему, что отъ святыхъ мѣстъ и собираются туда же обратно, то Ѳеодосій обрадовался и началъ просить ихъ, чтобы они взяли туда и его съ собою. Они обѣщались исполнить его желаніе и увѣдомили его, когда начали собираться въ путь. Обрадованный Ѳеодосій всталъ ночью тайкомъ и, никому не сказавъ ни слова, вышелъ изъ дому, не взявъ съ собою ничего, кромѣ своей плохой одежды.

Но Господу не угодно было, чтобы Ѳеодосій оставилъ свою родину, на которой онъ долженъ былъ служить Богу.

Черезъ три дня мать Ѳеодосія узнала, что сынъ ея ушелъ вмѣстѣ съ странниками, и пустилась за нимъ въ погоню. Долго она гналась за нимъ и наконецъ догнала. Она такъ разсердилась на Ѳеодосія, что, возвратясь домой, начала его бить, и потомъ посадила его въ особую горницу, привязала его тамъ, затворила на запоръ и оставила его одного.

Черезъ два дня мать пришла къ нему, отвяза его и дала ему пищи. Наконецъ гнѣвъ матери утихъ; а такъ какъ она его очень любила и безъ него быть не могла, то начала его упрашивать и умолять, чтобы онъ не уходилъ отъ нея. Ѳеодосій далъ ей обѣщаніе, и тогда она расковала его.

И началъ Ѳеодосій опять тихую жизнь, ходя каждый день въ церковь.

Послѣ этого Ѳеодосій заказалъ кузнецу сдѣлать желѣзныя цѣпи, препоясался ими и началъ всегда въ нихъ ходить. Желѣзо, будучи узко, въѣдалось въ тѣло его; но онъ такъ былъ покоенъ, что совсѣмъ не чувствовалъ никакой боли.

Спустя нѣкоторое время, услышалъ Ѳеодосій слова, сказанныя въ св. Евангеліи: «аще кто не оставитъ отца и матерь, и въ слѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ». Слыша это, Ѳеодосій восполь-

Русская правда Ярослава.

зовался случаемъ, когда мать была въ отсутствіи, и ушелъ въ Кіевъ. Услышавъ о блаженномъ Антоніи, жившемъ въ той пещерѣ, гдѣ спасался Иларіонъ, Ѳеодосій пришелъ туда, упалъ въ ноги Антонію и началъ умолять его, чтобы тотъ позволилъ ему остаться жить въ пещерѣ. Тогда Антоній приказалъ священнику Никону постричь Ѳеодосія. Это случилось еще при жизни князя Ярослава.

Мать Ѳеодосія, вернувшись домой и не найдя своего сына, плакала по немъ какъ по мертвомъ, и узнавъ, что онъ въ Кіевѣ, отправилась туда и начала уговаривать сына, чтобы онъ вернулся назадъ.

— Матушка, отвѣчалъ ей Ѳеодосій, если хочешь видѣть меня каждый день, то иди и подстригись въ одномъ изъ женскихъ здѣсь монастырей; тогда приходи сюда: ты будешь видѣть меня; къ тому же пріобрѣтешь и спасеніе души своей. Если же ты не сдѣлаешь этого, то, истинно говорю тебѣ, не увидишь лица моего.

Черезъ нѣсколько дней мать опять пришла къ Ѳеодосію и сказала ему:

— Дитя мое, я готова исполнить то, что ты приказываешь; не возвращусь я болѣе въ свой городъ; но, какъ угодно Богу, пойду въ женскій монастырь, постригусь въ немъ и тамъ проведу остальные дни мои. Изъ твоей бесѣды поняла я какъ ничтоженъ этотъ маловременный свѣтъ.

Съ этого времени уже никто болѣе не безпокоилъ Ѳеодосія, и онъ вполнѣ предался дѣлу Божію.

Между тѣмъ строгость жизни отшельниковъ въ пещерѣ сдѣлалась извѣстною многимъ. И стали приходить къ нимъ многіе, чтобы слушать ихъ божественныя поученія, а потомъ стали и присоединяться къ нимъ для отшельнической жизни. Между присоединившимися былъ даже боярскій сынъ Варлаамъ. Варлаамъ много вытерпѣлъ отъ своего семейства и жены, которыя не пускали его въ пещеры. Но онъ все превозмогъ.

До сихъ поръ пещерники жили въ тѣснотѣ, чрезвычайно скудно, питались хлѣбомъ и водою и довольствовались варенымъ зельемъ. Ѳеодосій всѣхъ больше отличался своими подвигами. Онъ всѣмъ служилъ, носилъ воду, таскалъ дрова. Всѣ отшельники жили ручною работою и на вырученныя деньги покупали себѣ муку; каждый долженъ былъ измолоть свою часть; когда другіе, уставши отдыхали, Ѳеодосій мололъ за нихъ. Въ лѣтнія ночи онъ выходилъ изъ пещеры, открывалъ до пояса свое тѣло, плелъ шерсть на чулки и шапочки, которые потомъ продавались имъ для своего пропитанія, а самъ во время работы пѣлъ псалмы, между тѣмъ какъ мошки и комары кусали тѣло его до крови. Первымъ приходилъ онъ въ церковь къ богослуженію, послѣднимъ уходилъ изъ церкви, и во все время богослуженія простаивалъ на одномъ мѣстѣ, не двигаясь ни шагу. Такое смиреніе прославило его.

Въ это время преподобный Антоній удалился въ другую пещеру для уединенныхъ подвиговъ, а Ѳеодосію поручилъ управленіе обителью.

Сдѣлавшись игуменомъ, Ѳеодосій показалъ большой талантъ устроителя и управителя. Монастырь свой онъ держалъ въ строгомъ повиновеніи, отыскалъ удобное мѣсто для построенія церкви, недалеко отъ пещеры, черезъ короткое время построилъ другую церковь во имя Пресвятой Богородицы, выстроилъ около нея кельи, переселился туда съ братіею и послалъ одного изъ иноковъ въ Царьградъ, чтобы привезти оттуда уставъ монастырскій. Посланный привезъ уставъ одного греческаго монастыря, который больше другихъ славился праведною жизнью своихъ иноковъ. Этотъ уставъ и послужилъ на многіе вѣка уставомъ для основаннаго Ѳеодосіемъ Печерскаго монастыря.

Ѳеодосій былъ очень строгъ, требовалъ отъ братіи точнаго исполненія устава, постоянно наблюдалъ, чтобы братія не облегчала себѣ монашескихъ подвиговъ.

При жизни Ѳеодосія произошло несогласіе между братьями-князьями; два князя встали противъ своего старшаго брата, великаго князя Изяслава, и изгнали его изъ столичнаго города Кіева. Вступивъ въ Кіевъ, непокорные князья послали за блаженнымъ отцомъ Ѳеодосіемъ, прося его на обѣдъ. Но Ѳеодосій, исполненный Духа святаго, узнавъ о несправедливомъ изгнаніи великаго князя, отвѣчалъ имъ словами священнаго писанія: «не пойду на трапезу Іезавелину *) и не вкушу той пищи, которая исполнена крови и убійства».

Потомъ Ѳеодосій примирился съ княземъ и началъ говорить съ нимъ кротко, стараясь добрыми совѣтами помирить его съ братомъ. Съ тѣхъ поръ князь оказывалъ большое уваженіе къ Ѳеодосію, и очень часто приглашалъ его къ себѣ во дворецъ для бесѣды.

Еще при жизни Ѳеодосія заложена была каменная церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ находится и теперь главный храмъ Печерской обители. Церковь эту началъ строить иновѣрецъ-варягъ, прибывавшій въ Кіевъ по указанію Божественнаго промысла.

Чрезъ годъ послѣ закладки этого храма, въ 1074 году, скончался преподобный Ѳеодосій, и былъ причисленъ къ лику святыхъ вмѣстѣ съ Антоніемъ.

На восьмой день по кончинѣ, тѣло Ѳеодосія положили въ пещерѣ. Послѣ, въ 1091 году, перенесли его святыя мощи въ церковь Печерскую

Много обитель Печерская дала Россіи священниковъ и епископовъ въ жизни благочестивыхъ и къ вѣрѣ православной твердыхъ. Подвижники христіанскаго благочестія и твердой вѣры укореняли въ народѣ добрыя мысли и намѣренія, поддерживали слабыхъ противъ сильныхъ, а въ тяжелыя для Россіи времена, наступившія послѣ смерти Ярослава и продолжавшіяся очень долго, нерѣдко спасали русскій народъ отъ гибели и разоренія.

Объ этихъ-то тяжелыхъ временахъ, о княжескихъ усобицахъ, въ которыхъ изнывала Русская земля, о татарскомъ погромѣ, гдѣ рѣками лилась русская кровь, мы и будемъ говорить теперь.

КНЯЖЕСКІЯ УСОБИЦЫ И ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Было уже сказано выше, какъ распорядился передъ смертью своею Ярославъ, какъ онъ устроилъ дѣтей своихъ по городамъ и волостямъ земли Русской, и какъ великій князь долженъ былъ заступать мѣсто отца другимъ князьямъ удѣльнымъ. Думалъ Ярославъ, что дѣти послушаютъ его, будутъ наблюдать промежъ себя миръ и братское согласіе, а земля Русская будетъ спокойна, но вышло не то.

Въ самомъ скоромъ времени послѣ смерти Ярослава, начались между его сыновьями ссоры и раздоры, начали князья воевать другъ противъ друга и призывать себѣ на помощь иновѣрцевъ, которые опустошали и грабили землю Русскую. И вотъ пошли на Руси княжескія усобицы, полилась русская кровь и слезы, и стало тяжко жить русскому человѣку.

Постараемся объяснить отчего все это произошло и какая была тому причина.

Ярославъ, разсадивъ своихъ дѣтей по городамъ, указалъ, что кіевскій князь, старшій его сынъ, займетъ для всѣхъ братьевъ мѣсто отца, а послѣ смерти своей передастъ великокняжескій престолъ въ Кіевѣ не старшему своему сыну, такъ сказать прирожденному своему наслѣднику, а своему брату, то есть второму сыну своего отца Ярослава. Выходитъ, что каждый отецъ исключалъ своего сына отъ прямаго наслѣдства. Сынъ великокняжескій, родившійся въ Кіевѣ, смолоду привыкши считать себя прямымъ наслѣдникомъ своего отца, по-неволѣ долженъ былъ уступать престолъ другому. Это ему

*) Іезавель въ древнія времена была царица израильская; она была нечестива и ненавидѣла пророковъ, а больше всего пророка Илію. За нечестіе свое она была выброшена изъ окна, а тѣло ея съѣдено собаками.

Ярославъ испытываетъ дѣтей въ грамотности.

конечно не нравилось. И вотъ сыновья Ярослава начали каждый искать для себя великокняжескаго престола; одинъ братъ старался столкнуть другаго съ престола и самому занять его мѣсто. Начались войны между сыновьями Ярослава. Скоро къ этимъ неурядицамъ и ссорамъ присоединились еще раздоры и войны между дядьями и племянниками. Исключенныя изъ наслѣдства, дѣти великокняжескія не хотѣли добровольно уступать отцовскій престолъ своимъ дядьямъ. И вотъ пошла по всей землѣ Русской брань да война. Каждый изъ князей думалъ только о томъ, какъ бы устроить своихъ собственныхъ дѣтей; заботился только о своей пользѣ и мало думалъ о землѣ Русской, которая во время княжескихъ войнъ страдала горько и изнывала отъ своихъ и отъ чужихъ. Князей на Руси скоро сдѣлалось множество; чуть не въ каждомъ городѣ былъ свой князь, и чуть не всѣ князья воевали между собою. Не боялись князья сдѣлать никакого грѣха, какъ бы тяжекъ онъ ни былъ, лишь бы только добиться своего. Силы не хватало у другаго князя, чтобы одолѣть своего противника, такъ онъ пускался на хитрость, цѣловалъ крестъ, давалъ присягу—и тотчасъ-же дѣлалъ клятвопреступленіе, нарушалъ крестное цѣлованіе и дѣлалъ зло тому, кому только что передъ тѣмъ клялся въ любви и мирѣ. Вышли наконецъ изъ вѣры другъ у друга князья; одинъ не вѣрилъ уже другому; всѣ опасались другъ друга и никто не былъ спокоенъ не только за свой городъ или за свою волость, но даже и за самую жизнь свою. Тамъ, гдѣ не брала теперь хитрость, надо было пустить въ дѣло силу, а когда своей силы не было, то стали князья наводить на Русскую землю всякихъ иновѣрцевъ. И начали эти язычники разорять и опустошать Русь; начали жечь села и города, убивать мирныхъ хлѣбопашцевъ и уводить въ неволю и рабство и женъ и дочерей. Никто въ то время на Руси не могъ заснуть спокойно: ни князь въ своемъ княжескомъ дворцѣ, ни простолюдинъ въ своей хатѣ. И кого уже ни перебывало въ это время на Руси? Водили за собой князья и венгеровъ, и ляховъ, и половцевъ; призывали въ землю Русскую и Чудь и Литву. И все это грабило и жгло, убивало и въ полонъ забирало.

Безпокойнѣе всѣхъ другихъ князей былъ Олегъ, который такъ много принесъ горя землѣ Русской, что его прозвали Гориславичемъ. Но за то какъ-бы для облегченія золъ Олеговыхъ, въ то же время жилъ на Руси другой князь по имени Владиміръ, а по прозванью Мономахъ. Это прозвище было дано ему потому, что онъ по матери своей былъ внукомъ греческаго царя Мономаха, что значитъ «единоборецъ». Онъ приходился внукомъ и Ярославу, ибо былъ сыномъ любимаго сына Ярослава—Всеволода.

Будучи только тринадцати лѣтъ отъ роду, Владиміръ Мономахъ принялся за такія занятія, которыя по тогдашнимъ понятіямъ были приличны княжескому званію — войну и охоту. Пока великими князьями были сначала дядя его, а потомъ отецъ, Владиміръ Мономахъ былъ у нихъ въ полномъ повиновеніи и точно исполнялъ ихъ волю. Часто, по приказу великихъ князей, ходилъ Мономахъ на непокорныхъ родственниковъ своихъ, мутившихъ раздорами землю Русскую, или воевалъ съ половцами. Своими подвигами военными и своею справедливостью онъ сдѣлался любимцемъ кіевлянъ. Послѣ смерти отца своего Всеволода ему легко было-бы захватить великое княжество подъ свою руку, но онъ, наблюдая строго законъ и не желая сѣять раздоры, позвалъ въ Кіевъ своего двоюроднаго брата Святополка, а самъ отправился въ назначенный ему удѣлъ—Черниговъ. Но для спокойствія земли Русской онъ сдѣлалъ еще болѣе; даже Черниговъ онъ скоро уступилъ двоюродному брату своему Олегу, а самъ перешелъ въ Переяславль. Это и былъ тотъ самый Олегъ, котораго за смуты и горе, сдѣланное имъ землѣ Русской, народъ прозвалъ Гориславичемъ.

Половцы въ это время жестоко опустошали Русскую землю; въ особенности они мстили за то, что Мономахъ убилъ двухъ князей

половецкихъ. Они напали на Кіевъ и ворвались въ Печерскій монастырь. Монахи, отстоявъ заутреню, спали по своимъ кельямъ; половцы выломали ворота, ходили по кельямъ, брали все, что попадалось имъ подъ руку, сожгли церковныя двери, вошли въ церковь, таскали изъ нея иконы и произносили оскорбительныя слова надъ Христіанскимъ Богомъ и закономъ. Тогда-же сожгли они и княжескій дворецъ, называвшійся Краснымъ.

Владиміръ Мономахъ началъ уговаривать князей идти на половцевъ, чтобы остановить ихъ набѣги, но Олегъ не согласился и продолжалъ сѣять раздоры и воевать съ своими родичами. Наконецъ, по совѣту Мономаха, князья собрались въ городѣ Любечъ. Здѣсь всѣмъ дѣломъ заправлялъ Мономахъ. «Зачѣмъ мы губимъ землю Русскую, говорили князья; зачѣмъ мы враждуемъ между собою? Половцы разоряютъ землю; они радуются тому, что мы другъ съ другомъ воюемъ. Пусть же съ этихъ поръ будетъ у всѣхъ насъ единое сердце; соблюдемъ свою отчину».

На Любечскомъ съѣздѣ, который былъ въ 1097 году, князья подѣлили между собою волости, и всѣ цѣловали крестъ на томъ, что если кто нибудь изъ князей нападетъ на другаго, то всѣ должны будутъ идти на зачинщика войною. «Да будетъ на то Крестъ честной и вся земля Русская»: такъ поклялись князья.

Но не помогла и клятва князей. Не успѣли они еще и разъѣхаться по своимъ волостямъ, какъ на Руси совершилось злодѣйство ужасное, дотолѣ еще невиданное и неслыханное. Посѣяли злые люди смуты между двумя князьями: Святополкомъ и Василько. Наговорили Святополку, будто Василько замышляетъ зло противъ него; а наговорилъ это другой князь Давидъ, который ненавидѣлъ Василько и замышлялъ отнять у него землю въ свою пользу. И вотъ два князя, Святополкъ и Давидъ, еще такъ недавно цѣловавшіе крестъ, рѣшились на злодѣйское дѣло. Обманомъ завлекли къ себѣ Василька и ослѣпили его.

Услышалъ объ этомъ прежде другихъ князей Владиміръ Мономахъ—и ужаснулся.

«Этого не было ни при дѣдахъ, ни при прадѣдахъ нашихъ, говорилъ Мономахъ. Надобно поправить зло, а иначе еще большее зло будетъ; начнетъ братъ брата убивать,—и погибнетъ земля Русская, и половцы возьмутъ землю Русскую. Собралъ Мономахъ нѣсколько князей, чтобы идти на Святополка, и началась опять усобица по землѣ Русской; пошелъ опять одинъ князь на другаго, и было это до тѣхъ поръ, пока не собралъ Мономахъ опять князей въ княжескій судъ. Здѣсь князья опять подѣлили между собою волости, и война между ними на нѣкоторое время прекратилась.

Успокоивъ князей, Владиміръ Мономахъ сталъ думать о томъ, какъ сберечь землю Русскую отъ половцевъ. Собралъ онъ въ 1103 году князей у озера Долобскаго, близъ Кіева, и стали князья между собою совѣтываться. Святополкъ не хотѣлъ идти въ походъ; за нимъ и другіе начали говорить: «Не время теперь въ походъ идти; теперь весна, какъ можно отрывать крестьянина отъ пашни; ему теперь пахать нужно». Но Владиміръ на это отвѣчалъ: «Удивительно, что вы не жалѣете крестьянина, а жалѣете лошадь, на которой онъ пашетъ. Начнетъ крестьянинъ пахать, прибѣжитъ полочанинъ и отниметъ у него лошадь и его самаго ударитъ стрѣлою, и ворвется въ село, а жену и дѣтей его возьметъ въ плѣнъ».

— Я готовъ, сказалъ Святополкъ.

— Ты много добра сдѣлаешь, отвѣчалъ ему на это Мономахъ.

Многіе князья пристали къ Мономаху и пошли на половцевъ, а другіе нѣтъ. Собравшееся войско русское пошло и конное, и пѣшее, и на лодкахъ по Днѣпру. Сойдясь съ половцами, русскіе разбили ихъ на голову; до двадцати князей половецкихъ сложили въ бою свои головы, а одинъ попалъ въ плѣнъ и далъ за себя большой выкупъ золотомъ, серебромъ, лошадьми и скотомъ. Но Владиміръ ничего не бралъ, а отвѣчалъ ему: «Много разъ вы съ нами договаривались о

Злодѣйское ослѣпленіе Василька.

мирѣ, а потомъ ходили воевать Русскую землю; зачѣмъ ты не училъ сыновъ своихъ и родъ свой не нарушать договора и не проливать христіанской крови»? И велѣлъ затѣмъ убить его.

Въ слѣдующемъ году русскіе опять разбили половцевъ подъ Лубнами, а еще немного спустя вошли въ самую внутрь земли Половецкой, пришли къ Дону и на рѣкѣ Сальницѣ на-голову разбили половцевъ, и воротились съ войны съ богатою добычею и множествомъ плѣнныхъ. Тогда слава о русскихъ прошла по всѣмъ народамъ: грекамъ, ляхамъ, чехамъ и дошла даже до Рима. Съ тѣхъ поръ половцы надолго перестали тревожить Русскую землю.

Въ 1125 году умеръ великій князь Святополкъ, и кіевляне избрали на престолъ Мономаха. Онъ однако не хотѣлъ идти противъ закона, потому что не онъ былъ старшимъ въ родѣ. Однако кіевляне требовали его. Тогда Владиміръ прибылъ въ Кіевъ и сѣлъ на великокняжескомъ престолѣ.

Двѣнадцать лѣтъ Мономахъ былъ великимъ княземъ, и все это время онъ крѣпко оберегалъ землю Русскую и отъ княжескихъ смутъ, и отъ иноземныхъ враговъ. Отдохнулъ въ его время русскій народъ, и никакіе враги не тревожили земли Русской. Сидя въ Кіевѣ и наблюдая землю, посылалъ Владиміръ сыновей своихъ и сподручныхъ князей на половцевъ и на тѣхъ изъ русскихъ князей, которые затѣявали смуту.

Кромѣ своихъ ратныхъ дѣлъ, Мономахъ прославилъ себя еще какъ законодатель. Уже было говорено, что первый письменный законъ русскому народу далъ князь Ярославъ, назвавъ его «Русскою Правдою». При дѣтяхъ Ярослава «Русская Правда» дополнилась другими законами. Хотя русскіе и приняли христіанскую вѣру при Владимірѣ, однако у нихъ еще долго оставалось много языческихъ правилъ. Между этими правилами существовала и родовая месть, которая состояла въ томъ, что за убійство отвѣчалъ не только самъ убійца, но и весь родъ его. Это разумѣется было причиною множества убійствъ, при чемъ страдали весьма часто и люди вовсе ни въ чемъ не виновные. При дѣтяхъ Ярослава законъ запрещалъ родовую месть, а за убійство назначался денежный штрафъ. При Мономахѣ въ «Русскую Правду» внесены были правила о процентахъ; указано было сколько процентовъ можетъ брать тотъ, который даетъ въ долгъ деньги. Указаны были также правила о тѣхъ купцахъ, которые проторговывались; сдѣлано было различіе между купцомъ, который проторговался отъ какого-нибудь несчастнаго случая, и купцомъ, который пропьетъ или испортитъ чужой товаръ; наконецъ были поставлены разныя правила о рабахъ и о наслѣдствѣ.

Грамотность при Мономахѣ стала еще больше укореняться на Руси. Въ то же время Мономахъ строилъ каменныя церкви и украшалъ ихъ живописью. Передъ смертью своею Владиміръ построилъ прекрасную церковь на Альтѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. У этой-то церкви, близъ Переяславля, и скончался Владиміръ Мономахъ въ 1125 году, семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду. Дѣтямъ своимъ онъ оставилъ духовную, въ которой далъ имъ поученіе, какъ они должны жить. Когда онъ умеръ, то оплакивалъ его весь народъ, называя его «братолюбцемъ, христолюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за Русскую землю». И долго жила въ народѣ память о Владимірѣ Мономахѣ.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ И МСТИСЛАВЪ УДАЛЫЙ.

Послѣ смерти Владиміра Мономаха на Руси опять начались тѣ же смуты, что были и до него. Онѣ даже стали еще больше, потому что къ княжескимъ раздорамъ прибавилось еще своевольства кіевлянъ. Князья начали опять воевать другъ съ другомъ, добывая для себя кіевскій престолъ, а кіевляне изгоняли отъ себя то одного, то другаго князя. Едва только какой князь не полюбится кіевлянамъ, какъ они тотчасъ-же начинаютъ звать къ себѣ другаго князя. При-

сягнувъ одному, они вслѣдъ затѣмъ начинаютъ сноситься съ его врагомъ, зовутъ его къ себѣ на княженіе, цѣлуютъ ему крестъ, а потомъ опять изгоняютъ и зовутъ къ себѣ третьяго князя. Такая усобица продолжалась очень долго и была причиною, что Кіевъ, древнѣйшій изъ городовъ русскихъ, самая старшая изъ княжескихъ столицъ, обратился въ простой городъ удѣльнаго княжества, а его мѣсто заступилъ другой городъ въ Суздальской области, которая занимала въ то время нынѣшнія губерніи: Владимірскую, Ярославскую, Костромскую и части губерній Тверской и Московской. Въ то время земля эта была лѣсистая. До сихъ поръ въ Москвѣ есть еще церковь, которая называется Спасомъ на Бору. Эта церковь одна изъ самыхъ старыхъ; названіе свое она получила отъ того, что на этомъ мѣстѣ въ то время, когда Москва была еще большимъ селомъ, росъ густой боръ. Городовъ здѣсь было сначала мало, а сами князья въ этой области жили рѣдко. Такъ было до князя Юрія Долгорукаго, сына Владиміра Мономаха. Юрій же началъ строить здѣсь новые города, украшалъ тѣ, которые уже были построены, сталъ прокладывать дороги и заселять суздальскіе лѣса.

Въ 1154 году Юрій завладѣлъ великокняжескимъ престоломъ и сѣлъ въ Кіевѣ. Кіевляне его не любили, и князь держался только тѣми суздальцами, которые пришли вмѣстѣ съ нимъ изъ его родовой области. Когда Юрій Долгорукій умеръ въ 1158 году, то кіевляне перебили всѣхъ суздальцевъ, которые были поставлены Юріемъ для управленія княжествомъ Кіевскимъ. За Кіевъ же начались опять раздоры между князьями. Еще при жизни своей Юрій Долгорукій посадилъ своего сына Андрея въ Вышгородѣ, лежавшемъ близъ Кіева. Этому сыну онъ хотѣлъ передать великокняжескій престолъ; младшимъ же своимъ дѣтямъ назначилъ города Ростовъ и Суздаль.

Андрей былъ человѣкъ умный и храбрый. Поживя при отцѣ близъ Кіева, онъ видѣлъ какія смуты происходятъ въ Кіевскомъ княжествѣ; онъ увидѣлъ, какъ здѣсь не прочна и не крѣпка власть великаго князя. Онъ довольно насмотрѣлся на вѣроломства кіевлянъ и понималъ, что сосѣдство съ Кіевомъ дикихъ половцевъ увеличиваетъ эти смуты еще болѣе. Поразмыслилъ обо всемъ этомъ, онъ рѣшилъ въ умѣ своемъ такое дѣло, которое потомъ совершенно перемѣнило всю судьбу великаго княжества Кіевскаго. Еще при отцѣ своемъ, онъ убѣжалъ изъ Вышгорода въ свою Суздальскую область съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться въ Кіевъ. Съ нимъ отправилось много людей изъ Кіевской земли, а въ томъ числѣ и родственники его, бояре Кучковы.

Въ Вышгородѣ, откуда ушелъ Андрей, въ одномъ женскомъ монастырѣ была икона св. Богородицы, привезенная изъ Царьграда и написанная евангелистомъ Лукою. Андрей Юрьевичъ взялъ эту икону и, вмѣстѣ съ своими благопріятелями и княгинею, удалился въ Суздальскую область. На пути икона эта творила чудеса и исцѣляла больныхъ. За десять верстъ отъ Владиміра по пути въ Суздаль произошло новое чудо: кони подъ иконою вдругъ остановились, и, какихъ другихъ лошадей послѣ того ни запрягали, онѣ уже не могли сдвинуть воза съ мѣста.

Князь остановился и велѣлъ раскинуть шатеръ. Затѣмъ онъ уснулъ, а по-утру разсказалъ, что ему во снѣ являлась Божья Матерь съ хартіею въ рукѣ и приказала икону не везти въ Ростовъ, а поставить во Владимірѣ; на томъ же мѣстѣ, гдѣ князь удостоился видѣнія, Божья Матерь приказала построить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. Въ память такого видѣнія написана была икона, которая изображала Божью Матерь въ томъ самомъ видѣ, какъ она явилась Андрею съ хартіею въ рукѣ. Андрей тогда-же на мѣстѣ видѣнія заложилъ село, названное Боголюбовымъ, и построилъ въ немъ богатую каменную церковь. Утварь этой церкви и иконы были украшены драгоцѣнными камнями, а двери и столбы блистали позолотою. На вре-

Смерть Владиміра Мономаха.

менной иконѣ, тамъ поставленной, былъ сдѣланъ богатый окладъ, въ которомъ было пятнадцать футовъ золота, много жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и серебра.

Заложенное Андреемъ село стало его любимымъ мѣстомъ жительства, и чрезъ него самъ Андрей получилъ прозваніе Боголюбскаго.

Мы уже сказали, что отецъ Андрея Боголюбскаго, Юрій Долгорукій, сдѣлавшись великимъ княземъ кіевскимъ и посадивъ Андрея въ Вышгородѣ, свои города съ Суздальской землѣ: Суздаль и Ростовъ отдалъ своимъ младшимъ дѣтямъ. Однако послѣ смерти Юрія случилось не такъ, какъ онъ желалъ. Ростовцы и суздальцы всею землею выбрали своимъ княземъ Андрея Боголюбскаго. Чтобы не завелась въ Суздальской землѣ такая-же смута, какая была въ Кіевской, Андрей Боголюбскій разомъ выгналъ своихъ братьевъ и племянниковъ. Братья его съ своею матерью, греческою царевною, отправились на жительство въ Грецію. Если такъ поступалъ Боголюбскій съ своими близкими родственниками, то конечно еще круче приходилось отъ него непокорнымъ боярамъ. Онъ не любилъ кто шелъ противъ его воли, и изгонялъ тѣхъ, кто ему не нравился. Такая твердость и строгость Андрея дѣлала Суздальское княжество сильнѣе другихъ областей русскихъ; смутъ въ немъ никакихъ при Андреѣ не было, да и изъ иноземцевъ никто его не тревожилъ, а спокойствіе давало возможность Андрею заниматься земскими дѣлами и устраивать свою область.

Сдѣлавшись княземъ суздальскимъ, Андрей не поѣхалъ ни въ Ростовъ, ни въ Суздаль, а поселился во Владимірѣ и построилъ въ немъ богатѣйшую церковь Успенія Богородицы съ позолоченнымъ верхомъ, изъ бѣлаго камня, привезеннаго водою изъ Болгаріи. Въ этомъ храмѣ онъ поставилъ вывезенную имъ изъ Вышгорода икону, которая съ тѣхъ поръ начала называться иконою Владимірской Божьей Матери.

Съ этихъ поръ сталъ думать Андрей о томъ, что бы сдѣлать свой новый городъ Владиміръ выше всѣхъ старыхъ городовъ: Ростова и Суздаля. Полюбился ему этотъ городъ, и онъ украсилъ его многими церквами. Для украшенія церквей Андрей приглашалъ хорошихъ мастеровъ съ Запада; при немъ однако стали являться русскіе мастера, а послѣ него эти русскіе строили и расписывали церкви уже сами, безъ всякой помощи иностранцевъ.

Въ своей жизни Андрей Боголюбскій славился набожностью и благочестіемъ. Онъ всегда ходилъ въ храмъ Божій и тамъ молился со слезами; при всемъ народѣ онъ раздавалъ милостыню убогимъ, кормилъ монаховъ и монахинь. Часто по ночамъ онъ ходилъ въ храмъ, самъ зажигалъ свѣчи и долго молился передъ образами.

Но не въ однихъ только добрыхъ и благочестивыхъ дѣлахъ проводилъ жизнь свою Андрей Боголюбскій; онъ любилъ и подвиги военные. Жили на Волгѣ и на Камѣ, по сосѣдству съ княжествомъ Андрея, болгары въ своемъ собственномъ царствѣ Болгарскомъ. Народъ этотъ былъ не славянскаго корня, а финскаго или чухонскаго; вѣры же держался Магометовой, такой-же какъ турки и наши татары. Главный городъ ихъ стоялъ близъ нынѣшней Казани. Чрезъ землю этихъ болгаръ шли въ Русскую землю разные товары съ Востока. Болгары уже не разъ ходили на русскихъ, и русскіе князья не одинъ разъ бились съ ними. И Андрей два раза воевалъ съ болгарами. Въ первый разъ онъ взялъ съ собою въ походъ икону Богородицы; духовенство шло пѣшее и несло ее подъ знаменами. Самъ князь и все войско передъ походомъ пріобщились св. Тайнъ. Походъ кончился удачно; русскіе взяли болгарскій городъ Ибрагимовъ. Въ память такой побѣды былъ установленъ праздникъ съ водоосвященіемъ; онъ и нынѣ совершается каждый годъ 1 августа.

Сидя дома и устраивая свое Суздальское княжество, Андрей въ то же время зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ Кіевскомъ княжествѣ, гдѣ по смерти отца его, Юрія, опять начались смуты, и одинъ князь отвоевывалъ у другаго престолъ великокняжескій.

Самъ Андрей не хотѣлъ для себя великокняжескаго престола въ Кіевѣ; онъ давно уже рѣшилъ сдѣлать главнымъ городомъ земли Русской свой любимый городъ Владиміръ и оттуда управлять своею могучею рукою всею Русью. Онъ хотѣлъ Кіевъ сдѣлать простымъ удѣльнымъ княжествомъ, во всемъ подчиненнымъ княжеству Суздальскому. Онъ хотѣлъ своею волею ставить въ Кіевъ такого князя, который былъ бы въ полномъ послушаніи у него. Еще хотѣлъ Андрей взять совсѣмъ подъ свою руку другой русскій городъ Новгородъ.

Было сказано, что еще Ярославъ за тѣ услуги, которыя оказали ему новгородцы въ войнѣ его съ Святополкомъ Окаяннымъ и королемъ польскимъ Болеславомъ, далъ Новгороду большія льготы и вольности. Съ тѣхъ поръ новгородцы, пользуясь тѣмъ, что кіевскіе князья все время воевали между собою изъ-за Кіева, забрали себѣ еще большія вольности.

Такой непорядокъ не нравился князю Боголюбскому, и задумалъ онъ смирить новгородцевъ. А такъ какъ новгородцамъ помогали кіевскіе князья, которые посадили въ Новгородъ не того князя, котораго хотѣлось Андрею, то сначала онъ пошелъ на Кіевъ.

Собралъ онъ подъ свою руку одиннадцать князей съ ихъ дружинами и ратью. Войско это было подъ начальствомъ сына Андреева, князя Мстислава, и боярина, Бориса Жидиславича. Окружили войска Андрея Кіевъ со всѣхъ сторонъ и взяли городъ въ 1169 году, въ среду на второй недѣлѣ Великаго поста. Два дня сряду жгли городъ суздальцы, грабили и убивали жителей. Не давали пощады ни старому, ни малому, ни мужьямъ, ни женамъ, ни дѣтямъ, ни церквамъ, ни монастырямъ. Зажгли даже Печерскій монастырь и начали вывозить изъ Кіева всякое имущество, не исключая ни иконъ, ни ризъ, ни колоколовъ. Много терпѣлъ въ то время Кіевъ, бывшій до тѣхъ поръ самымъ богатымъ городомъ на Руси. Уже прежде онъ много потерялъ отъ беспрестанныхъ княжескихъ войнъ, а теперь онъ былъ совсѣмъ разграбленъ и сожженъ; жители его были перебиты или отведены въ плѣнъ, а святыня его поругана. И потерялъ теперь Кіевъ свое старшинство между городами русскими. На престолъ кіевскій посадилъ Андрей сподручника своего, князя Глѣба, который во всемъ былъ послушенъ ему. Самъ-же Андрей сталъ теперь первымъ княземъ русскимъ.

Раздѣлавшись съ кіевлянами, пошелъ Андрей теперь на Новгородъ. У новгородцевъ были богатыя земли по Двинѣ-рѣкѣ, которая течетъ въ Бѣлое море. Тамъ собирали новгородцы дань. Андрей послалъ туда свое войско и велѣлъ перехватить дань. Однако новгородцы разбили княжескую рать, да кромѣ того еще собрали дань съ собственныхъ земель Андрея. Андрей очень этимъ обидѣлся, и такъ какъ ни лѣтомъ, ни осенью, ни весною къ Новгороду и подступиться было нельзя по болотамъ, то послалъ онъ войска свои зимою. Въ 1170 году тѣ же самыя войска, которыя ходили на Кіевъ, пришли къ Новгороду. Три дня стояли они подъ городомъ, а на четвертый начали приступъ. Новгородцы бились храбро, но потомъ стали ослабѣвать. Войска Андрея, видя эту слабость, думали, что они непремѣнно возьмутъ городъ, и уже заранѣе кидали жребій, какъ подѣлить между собою новгородскія улицы, женъ и дѣтей новгородскихъ. Но вышло не такъ, какъ думали суздальцы.

Въ ночь со вторника на среду, на второй недѣлѣ Великаго поста, новгородскій архіепископъ Іоаннъ молился передъ образомъ Спаса. Во время молитвы онъ услышалъ голосъ отъ иконы, который говорилъ: «Иди на Ильину улицу въ церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси ее на верхъ стѣны, и она спасетъ Новгородъ». На другой день Іоаннъ съ новгородцами вознесъ икону на стѣну. Какъ только поднята была икона, какъ изъ лагеря посыпалась на нее туча стрѣлъ. Изъ глазъ иконы полились слезы. Тогда новгородцы вышли въ поле и напали на враговъ, а на суздальцевъ между тѣмъ нашло какое-то одурѣніе и начали они по-

Князь Мстиславъ идетъ на суздальцевъ.

бивать стрѣлами другъ друга, а потомъ пустились убѣгать. Новгородцы погнались за ними вслѣдъ, многихъ перебили, а еще болѣе взяли въ полонъ. Плѣнныхъ они набирали такъ много, что продавали ихъ за самую дешевую цѣну. Съ тѣхъ поръ икона новгородская стала уважаться всею Русью, и въ честь ея установленъ былъ праздникъ Знаменской Божьей Матери, который и донынѣ празднуется изъ году въ годъ 27 ноября.

По дорогѣ суздальцы не находили ничего съѣстнаго и должны были ѣсть своихъ собственныхъ коней. Но и Новгороду эта война обошлась не даромъ. Суздальцы такъ разорили Новгородскую область, что на другой годъ сдѣлался голодъ; подвоза ждать было не откуда, ибо хлѣбъ въ Новгородъ везли больше всего по Волгѣ изъ областей Андрея, а онъ загородилъ путь обозамъ, которые шли въ Новгородъ.

Вскорѣ послѣ этого новгородцы помирились съ Адреемъ Боголюбскимъ. Да ему и самому скоро пришлось посылать войска опять въ Кіевъ, гдѣ послѣ смерти Глѣба князья опять замутились и начали снова воевать между собою. Но въ то время, когда Андрей собирался войною на Кіевъ, онъ былъ злодѣйски убитъ своими боярами. Пробравшись ночью въ спальню Андрея, они убили его и тѣло выбросили на дворъ.

Но не всѣ между близкими Андрея были злодѣями. Между слугами князя былъ одинъ кіевлянинъ, по имени Кузьма. Узнавши, что Андрей убитъ, онъ отыскалъ тѣло его и похоронилъ.

Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго въ самой Суздальской землѣ пошли смуты. Ростовцы сажали своихъ князей, а владимірцы своихъ; князья эти ссорились и воевали между собою.

Отъ самой смерти Андрея Боголюбскаго до татарскаго погрома былъ на Руси еще одинъ князь, который всю свою жизнь стоялъ заправду. Князь этотъ былъ Мстиславъ Мстиславичъ, прозванный Удалымъ. Въ особенности большую услугу оказалъ онъ Новгороду, который не разъ спасалъ онъ отъ суздальскихъ князей.

Этотъ храбрый князь появлялся вездѣ, гдѣ только чуялъ неправду. Такъ онъ нѣсколько разъ воевалъ съ князьями кіевскими и другими князьями южнорусскими, когда тѣ затѣвали смуты и войны, не разъ отражалъ силы суздальскихъ князей отъ Новгорода, и даже ходилъ за Кіевъ, въ Галицкую Русь, отбивать отъ нее венгровъ и поляковъ. Въ особенности же отличился Мстиславъ въ одной битвѣ въ 1216 году, 21 апрѣля. Въ Новгородѣ въ это время сидѣлъ княземъ Ярославъ, сынъ Всеволода суздальскаго. Онъ обижалъ новгородцевъ, и они удалили его. Ярославъ оставилъ Новгородъ и уѣхалъ въ Торжокъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ сдѣлался голодъ: морозъ побилъ осенью посѣвы, а князь, сидя въ Торжкѣ, не пропускалъ въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ. Голодъ былъ такъ силенъ, что люди ѣли сосновую кору, липовый листъ и мохъ. Многіе отдавали дѣтей своихъ въ рабство, чтобы только спастись отъ смерти; другіе бѣжали изъ Новгорода. Трупы валялись по улицамъ и площадямъ; для уборки тѣлъ построили новый домъ (скудѣльницу),—и весь этотъ домъ наполнился трупами. А князь сидѣлъ въ Торжкѣ, куда увезъ съ собою и жену свою, дочь Мстислава Удалаго, и захватилъ пословъ, которыхъ послали ему новгородцы.

Услышавъ объ этомъ, Мстиславъ тотчасъ же прискакалъ въ Новгородъ и началъ сбираться войной на Ярослава, съ которымъ за-одно былъ и братъ его Юрій суздальскій. Къ рати-же Мстислава присоединились еще войска смоленскаго князя Володиміра Рюриковича и старшій братъ Ярослава Константинъ, одинъ изъ князей суздальскихъ.

Обѣ стороны сошлись на рѣкѣ Гзѣ.

Гордые князья суздальскіе были увѣрены, что они будутъ побѣдителями, и уже заранѣе радовались своей побѣдѣ.

На утро 21 апрѣля обѣ стороны стояли на рѣкѣ Липецѣ другъ

противъ друга, совсѣмъ готовыя къ битвѣ. Мстиславъ, проѣжая передъ рядами новгородцевъ, ободрялъ ихъ. Онъ говорилъ:

— Братья! мы вошли въ землю сильную; воззримъ на Бога и станемъ крѣпко; не озирайтесь назадъ; побѣжавши, не уйдешь. Забудемъ, братья, женъ, дѣтей и дома свои; идите на бой, какъ кому любо умирать, кто на конѣ, кто пѣшій.

— Мы на коняхъ не хотимъ умирать, отвѣчали ему новгородцы; мы будемъ биться пѣшіе, какъ бились отцы наши.

Новгородцы сняли съ себя платье и сапоги, и босые побѣжали впередъ съ крикомъ. Смольяне также сняли сапоги, но обвили свои ноги. Князья ѣхали на коняхъ. Сошлись обѣ рати, и пошли въ дѣло дубины и топоры. Суздальцы побѣжали, а новгородцы сбили одно знамя Ярослава и добрались до другаго. Мстиславъ увидѣлъ, что новгородцы выдались очень впередъ и непріятельская сила можетъ смять ихъ. Тогда онъ закричалъ своей дружинѣ: «Не дай Богъ, братья, выдавать этихъ добрыхъ людей», и бросился имъ на помощь. За нимъ пошли и другіе князья. Сѣча завязалась жестокая. Князья суздальскіе Юрій и Ярославъ — бросились бѣжать и оставили свой обозъ. Можетъ быть это была хитрость князей суздальскихъ. Они думали, что войска бросятся грабить обозъ, а тѣмъ временемъ можно будетъ опять собраться съ силами и ударить на нихъ. Но Мстиславъ былъ уменъ. Увидѣвъ это, онъ крикнулъ: «Братья новгородцы, не бросайтесь на обозъ, а бейте ихъ; не то они вернутся и насъ побьютъ». Новгородцы послушались добраго совѣта и продолжали крѣпко сражаться, а смольяне бросили драться и начали грабить обозъ. Самъ Мстиславъ три раза проскакалъ сквозь непріятельскіе полки, билъ на всѣ стороны топоромъ, который былъ у него привязанъ къ рукѣ.

Тогда все пошло въ разсыпную; много суздальцевъ пало подъ ударами топоровъ новгородскихъ и смоленскихъ, много утонуло въ водѣ, а еще болѣе израненыхъ прибѣжало во Владиміръ, Переяславль, Юрьевъ, и тамъ умерло отъ ранъ. Семнадцать знаменъ Юрія, тринадцать знаменъ Ярослава и до ста трубъ и бубновъ взяли побѣдители. Только шестьдесятъ человѣкъ было взято въ плѣнъ, за то убитыхъ суздальцевъ было болѣе девяти тысячъ человѣкъ.

Недолго оставался и Мстиславъ въ Новгородѣ. Скоро онъ отправился въ Галичину, гдѣ возникли княжескія смуты. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Мстиславъ Удалой, вмѣстѣ съ другими русскими князьями, былъ разбитъ, появившимися на Руси, татарами. Умеръ же онъ въ 1228 году и былъ похороненъ въ Кіевѣ, но гдѣ именно — не извѣстно.

Когда кончилась эта усобица, то въ Суздальской землѣ наступило спокойствіе, продолжавшееся до самаго нашествія на Россію татаръ. Вообще княжескія усобицы здѣсь были, какъ мы уже видѣли, гораздо рѣже, чѣмъ въ южной Руси. Поэтому здѣшняя земля населялась все болѣе; строились церкви и монастыри, а русскіе мастера въ разныхъ искусствахъ дошли до того, что уже не нуждались болѣе въ иноземцахъ, а хорошо работали и сами, безъ ихъ помощи. Книжная ученость и грамота также укоренялись все болѣе и болѣе, и не только между мужчинами, но даже и между женщинами. Одна изъ княженъ завела въ Суздалѣ училище для дѣвицъ, гдѣ учили грамотѣ, письму и церковному пѣнію.

За это же время Суздальское княжество начало раздвигаться на сѣверовостокъ. Тамъ, гдѣ сходятся двѣ рѣки — Сухона и Югъ, былъ построенъ городъ Устюгъ, который вскорѣ очень расторговался. Подвигаясь по Волгѣ, суздальцы заложили еще городъ — Нижній-Новгородъ. На этомъ мѣстѣ жилъ народецъ Мордва, который не могъ устоять противъ русскихъ. Нѣсколько разъ Мордва вмѣстѣ съ болгарами нападала на Нижній-Новгородъ, но каждый разъ суздальцы отбивали ихъ. Инородцы эти, тѣснимые русскими, мало-по малу бросали свои жилища, бѣжали или на югъ, или въ степи за Волгу, а тѣ, которые оставались на мѣстѣ, понемногу принимали

Князь Глѣбъ убиваетъ волхва.

крещеніе, дѣлались православными, а потомъ и совсѣмъ передѣлывались въ русскихъ. А русскіе между тѣмъ подвигались все далѣе и далѣе на востокъ.

Какъ-бы пошла дальше русская жизнь и что бы вышло изъ насъ, если-бы все шло обыкновеннымъ порядкомъ, и никто-бы не мѣшалъ намъ самимъ устраиваться,—нельзя сказать, ибо въ это время случилось съ Россіею большое несчастіе. Несчастіе это было тяжко, и если оно не все опрокинуло изъ того, что уже сдѣлано было христіанствомъ, то все-таки много намъ повредило и во многомъ повернуло насъ назадъ. Дѣло въ томъ, что на Русскую землю въ 1224 году нагрянули съ востока дикіе орды татарскія, разбили русскихъ князей и ушли опять назадъ въ свои степи. Прошло послѣ этого 13 лѣтъ, и тѣ же татары опять хлынули на Россію, побили русскія войска,—и на этотъ разъ надолго закабалили въ неволю всю Русскую землю. Горькое житье подъ татарскимъ ярмомъ мы разскажемъ далѣе, а теперь посмотримъ, что было на всей Руси къ тому времени, когда пришли къ намъ татары. Поглядимъ, изъ какихъ княжествъ состояла Русская земля и какъ въ этой землѣ жили люди, начиная съ князя и кончая послѣднимъ простымъ человѣкомъ, или, какъ тогда называли, смердомъ.

РУСЬ ПЕРЕДЪ ПРИХОДОМЪ ТАТАРЪ.

Со времени смерти перваго христіанскаго государя, на Руси—Владиміра Святаго, до нашествія татаръ, произошло у насъ много перемѣнъ. Русская земля, которую оставилъ Владиміръ Святой своимъ дѣтямъ, была не похожа на ту, въ которую пришли татары. Да и довольно времени прошло съ тѣхъ поръ. Умеръ Владиміръ въ 1015 году, а татары въ первый разъ разбили русскихъ князей въ 1224 году; слѣдовательно со смерти Владиміра прожила Русская земля 209 лѣтъ, или, какъ говорится, два вѣка, и въ это время много воды утекло.

Посмотримъ же, что̀ именно перемѣнилось за это время.

Прежде всего припомнимъ, что Владиміръ былъ одинъ князь надъ всей тогдашней Русской землей. Не было ему равныхъ, и управлялъ одинъ единою своею властью, или, какъ говорится, былъ единовластнымъ, все равно какъ нынѣшній Государь.

Умеръ Владиміръ, и пошла сумятица между его дѣтьми. Чрезъ нѣсколько времени два сына Владиміра: Ярославъ и Мстиславъ подѣлили между собою Русскую землю. Одинъ сѣлъ въ Кіевѣ, другой въ Черниговѣ. Такъ вмѣсто одного князя являются уже два. Но это еще не было тогда большою бѣдою, потому что оба брата жили душа въ душу, и все было спокойно. Когда Мстиславъ умеръ, то Ярославъ опять остался одинъ.

Послѣ смерти Ярослава между дѣтьми его начинается смута, которая увеличивается все болѣе и болѣе. Около времени Андрея Боголюбскаго потомство перваго призваннаго князя Рюрика размножилось весьма сильно. Пока родство было близкое, а родственниковъ не много, несогласія между родными были слабѣе. Когда же князей стало столько, что едва не у каждаго города былъ свой князь, и когда каждый изъ нихъ сталъ искать городовъ и волостей другаго князя, и когда одинъ князь сталъ изгонять другаго изъ Кіева, то вся Русская земля заволновалась и разбилась на отдѣльныя области. Въ каждой изъ такихъ областей сидѣло одно какое нибудь колѣно дома Рюрика и Владиміра Святаго. И вотъ появляются на Руси, кромѣ великаго княжества Кіевскаго отдѣльныя княжества: Черниговское, Сѣверское, Муромское, Рязанское, Смоленское и другія. Въ каждомъ такомъ княжествѣ есть свой старшій князь и другіе удѣльные; въ каждомъ княжествѣ между своими родичами идутъ споры и смуты, а всѣ княжества отдѣльныя дерутся и воюютъ между собою. Половцы и разные другіе степные народы нападаютъ на Русь и опу-

стошаютъ земли. Во главѣ Русской земли стоитъ все еще по-прежнему, какъ было и при Владимірѣ, престольный городъ Кіевъ.

Среди этого безпорядка является князь, который вдругъ создаетъ новое княжество. Князь этотъ — Андрей Боголюбскій, а княжество Суздальское. Андрей беретъ Кіевъ, но нейдетъ въ него самъ, а сажаетъ въ немъ сподручнаго князя, самъ же ставитъ свой городъ Владиміръ на рѣкѣ Клязьмѣ первымъ престольнымъ городомъ.

Кромѣ княжествъ, въ это же время является еще одна какъ бы отдѣльная область—это Новгородская. Съ тѣхъ поръ какъ далъ ей Ярославъ большія вольности, а въ южной Руси пошли вѣчныя княжескія усобицы, Новгородская область почти совсѣмъ отшатнулась отъ кіевской Руси, и зажила отдѣльно. Вмѣстѣ съ Новгородомъ выросталъ другой сосѣдній съ нимъ городъ Псковъ, который былъ всегда въ союзѣ съ Новгородомъ, такъ что объ этихъ городахъ говорили въ то время: что у нихъ «душа на Волховѣ (рѣка въ Новгородѣ), а сердце на Великой» (рѣка въ Псковѣ).

О княжествахъ Кіевскомъ, Суздальскомъ, о Новгородѣ, объ Андреѣ Боголюбскомъ было уже говорено довольно. Но были въ это время еще русскія области, въ которыхъ хотя и княжили также потомки Владиміра Святаго, но области эти потомъ отшатнулись отъ Россіи. Княжества эти были: Полоцкое, Волынское и Галичское. О нихъ надобно также сказать хоть немного:

Княжество Полоцкое принадлежало князьямъ, происходившимъ отъ Владиміра Святаго и жены его Рогнѣды. Оно лежало въ области рѣкъ Западной Двины, Березины и верхняго Нѣмана. Здѣсь были города: Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ и Друцкъ. Князья мало участвовали въ кіевскихъ усобицахъ, да и вообще Рогнѣдинъ родъ болѣе всѣхъ другихъ отдѣлился отъ потомковъ Владиміра Святаго, и княжество это подпало сначала подъ Литву, а потомъ подъ нѣмцевъ, о чемъ будетъ говорено дальше въ своемъ мѣстѣ.

Волынская область, гдѣ нынѣ города Владиміръ Волынскій, Луцкъ, Брестъ и Люблинъ, была также въ родѣ Владиміра, какъ и Червонная Русь или Галичина съ городами: Перемышлемъ, Теребовлемъ и Звенигородомъ. Волынскіе и галицкіе князья были ближе къ Кіевской Руси и участвовали во всѣхъ почти княжескихъ смутахъ. Между волынскими князьями отличался Романъ, который къ своей Волыни присоединилъ и Галичину. Такъ какъ Галичина, которая и понынѣ населена русскимъ народомъ, хотя и принадлежитъ нѣмцамъ, была сосѣдкою Польши и Венгріи, то поляки и венгерцы сами вмѣшивались въ дѣла Галичины и усиливали только смуты. Романъ, усѣвшись въ Галичѣ, началъ править землею твердо и уничтожать строптивыхъ бояръ; при этомъ онъ былъ весьма жестокъ. Самъ онъ былъ храбръ—и враги боялись его. Особенно боялись его литовцы, живущіе въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Ковенской, Виленской и Августовской. Это былъ народъ дикій и бѣдный, промышлявшій рыбною и звѣриною ловлею; вѣры они были языческой, а бѣдность литовцевъ доходила до-того, что первые русскіе князья брали съ нихъ дань лыкомъ и вѣниками. Романъ заставлялъ литовцевъ жить мирно, хотѣлъ отучить ихъ отъ разбоевъ и заставить заниматься земледѣліемъ. Разсказываютъ, что плѣнныхъ литовцевъ онъ запрягалъ въ соху и пахалъ ими землю; отъ этого осталась даже поговорка: «Романъ худымъ живешь, Литвою орешь».

Князь Романъ Галицкій вмѣшивался и въ дѣла кіевскія, и въ дѣла польскія; въ одномъ изъ сраженій съ поляками онъ былъ убитъ въ 1205 году. Послѣ него начались смуты; въ дѣла Галичины стали мѣшаться венгры и поляки, и продолжалось это до тѣхъ поръ, пока Мстиславъ Удалый, отстоявъ Новгородъ отъ суздальцевъ, не пришелъ самъ въ Галичину, прогналъ венгровъ, и сѣлъ на престолѣ. За сына Романа, Данилу, Мстиславъ выдалъ свою дочь. Когда же Мстиславъ умеръ, то престолъ галичскій перешелъ къ этому Данилѣ. Это былъ князь храбрый и благородный характеромъ. При немъ и случилось нашествіе татаръ.

И такъ ко времени нашествія татаръ, Русь была не единая и цѣльная, какъ это было при Ярославѣ, а раздробленная на мелкія части. Въ ней княжитъ не одинъ князь, который правитъ всѣмъ государствомъ, а много князей воюютъ между собою и не повинуются старшему.

Посмотримъ теперь, какъ жилъ за это время народъ, начиная съ князя.

Каждый разъ какъ князь вступалъ на престолъ, онъ приходилъ въ кіевскій соборъ, и тамъ народъ цѣловалъ крестъ, то есть присягалъ своему князю на вѣрность. Князь заботился о земскомъ порядкѣ, издавалъ законы, твориль судъ и расправу, отправлялъ въ чужі земли пословъ и принималъ посланцевъ чужихъ государей; отъ нег зависѣли и миръ, и война. На войнѣ князь обыкновенно самъ коман довалъ войсками и весьма часто самъ начиналъ битгу.

Въ мирное время для порядка князь назначалъ въ области разныхъ правителей, которые также собирали подати и дань. Въ княжескую же казну поступали и сборы за торговлю и разные промыслы.

Когда у князя рождался сынъ, то ему нарекали два имени: одно славянское или варяжское, а другое — при крещеніи по греческимъ святцамъ. Въ то же время ему назначалась какая нибудь волость. Когда миновало года три или четыре, то надъ нимъ совершали особый обрядъ, который назывался постриги. Обрядъ состоялъ въ томъ, что малюткѣ при церковномъ благословеніи стригли волосы, сажали его на коня, а потомъ пировали. Эти князья разсылались по волостямъ и брались въ походы очень рано; иногда раньше 10 лѣтъ; а женили ихъ, когда имъ исполнялось 11 или 12 лѣтъ.

Взрослые князья во время мира занимались охотою на дикихъ звѣрей и пріучались хорошо владѣть оружіемъ.

Ближайшими совѣтниками князя и ближними людьми были дружинники. Князь жилъ съ дружиною согласно и не жалѣлъ для нея ничего. Онъ съ нею и думу думалъ, на охоту ѣздилъ и пировалъ. Въ составѣ дружины были и бояре, изъ которыхъ князь назначалъ тысяцкихъ.

Но кромѣ дружины, въ княжескомъ войскѣ было еще и ополченіе, которое состояло изъ конницы, называвшейся въ то время копейщиками, и пѣхоты, которая имѣла названіе стрѣльцовъ. Оружіе состояло изъ броней, шлемовъ, щитовъ, мечей, копей, сабель, стрѣлъ, ножей, рогатинъ и топоровъ. Оружіе это во время походовъ возили на возахъ; даже сами ратники ѣхали на возахъ. У войскъ были уже въ то время знамена, называвшіяся тогда стягомъ. За войскомъ возились съѣстные припасы, которые весьма часто собирались въ непріятельской землѣ. Такъ какъ Россія въ то время была покрыта множествомъ болотъ и приходилось переходить многія рѣки, то походы чаще всего дѣлались зимою, когда болота и рѣки замерзали и походъ черезъ нихъ дѣлался удобнымъ и легкимъ.

Города брались обыкновенно на щитъ, то есть по взятіи непріятельскаго города его жгли, жителей грабили, истребляли и уводили въ плѣнъ.

Теперь взглянемъ на духовную жизнь русскаго народа за это время; посмотримъ, что сдѣлала христіанская религія.

Мы видѣли, что въ Кіавѣ и на югѣ христіанство скоро пустило корни; но на сѣверѣ и востокѣ оно упорно должно было бороться съ язычествомъ. Въ особенности много мутили народъ волхвы, или кудесники, которые обманывали народъ своими ложными чудесами. Однажды въ Ростовской области сдѣлался голодъ, и вотъ явились два волхва изъ Ярославля и начали говорить: «Мы знаемъ, кто хлѣбъ-то держитъ»; они пошли по Волгѣ и въ каждомъ погостѣ, куда придутъ, указывали на лучшихъ женщинъ, говоря: «Вотъ эти жито держатъ, эти медъ, эти рыбу, эти мѣха». Жители приводили къ нимъ сестеръ своихъ, матерей, женъ; волхвы разрѣзывали у нихъ тѣло за плечемъ, показывая видъ, что вынимаютъ оттуда либо жито, либо рыбу, и такимъ образомъ убивали много женщинъ, забирая имѣ-

ніе ихъ себѣ. Когда они пришли на Бѣлоозеро, то съ ними было уже 300 человѣкъ народу. Во это время случилось придти туда отъ князя Святослава за данью Яну, сыну Вышатину. Бѣлозерцы разсказали ему, что вотъ два кудесника побили много женщинъ по Волгѣ и по Шекснѣ, пришли и къ нимъ. Онъ сталъ доискиваться, чьи смерды эти волхвы, и узнавши, что они Святославовы, послалъ сказать провожавшей ихъ толпѣ: «Выдайте мнѣ волхвовъ, потому что они смерды моего князя»; но тѣ не послушались. Тогда Янъ самъ пошелъ къ нимъ сначала безъ оружія; но отроки сказали ему: «Не ходи безъ оружія, опозорятъ тебя», и Янъ велѣлъ отрокамъ взять оружіе. Съ 12-ю отроками вошелъ Янъ въ лѣсъ, и съ топоромъ въ рукахъ отправился прямо къ волхвамъ; изъ среды окружавшей ихъ толпы вышли къ нему три человѣка и сказали: «Идешь ты на явную смерть, не ходи лучше!» Въ отвѣтъ на это Янъ велѣлъ убить ихъ, и шелъ дальше къ остальнымъ; тѣ было-ринулись на него, и одинъ занесъ уже топоръ, но промахнулся, а Янъ, обратя топоръ, ударилъ въ него тыльемъ, приказавши отрокамъ своимъ бить остальныхъ, которые и побѣжали; но въ схваткѣ былъ убитъ священникъ Яновъ. Возвратившись въ городъ къ бѣлозерцамъ, Янъ сказалъ имъ: «Если вы не перехватите этихъ волхвовъ, то и цѣлое лѣто пробуду у васъ». Бѣлозерцы схватили волхвовъ и привели ихъ къ Яну, который спросилъ у нихъ: «За что вы загубили столько душъ?»—«За то, отвѣчали волхвы, что они держатъ всякое добро; если истребимъ ихъ, то будетъ во всемъ обиліе; хочешь, передъ твоими глазами выймемъ жито, рыбу или что иное.» Янъ сказалъ имъ на это: «Все это ложь; сотворилъ Богъ человѣка отъ земли, составленъ онъ изъ костей, жилъ и крови; и ничего другаго въ немъ нѣтъ, да и ничего другаго о себѣ человѣкъ и знать не можетъ, одинъ Богъ знаетъ». Волхвы видѣли, что дѣло дурно для нихъ кончится, и потому начали говорить: «Намъ должно стать предъ Святославомъ, а ты не можешь намъ ничего сдѣлать». Янъ въ отвѣтъ велѣлъ ихъ бить и драть имъ бороды; и когда ихъ били, то Янъ спросилъ: «Что вамъ боги ваши говорятъ?» Волхвы отвѣчали: «Стать намъ предъ Святославомъ.» Тогда Янъ велѣлъ положить имъ деревянный отрубокъ въ ротъ, привязать къ лодкѣ, и самъ отправился за ними внизъ по Шекснѣ. Когда приплыли къ устью этой рѣки, то Янъ велѣлъ остановиться, и опять спросилъ у волхвовъ: «Что вамъ ваши боги говорятъ?» Тѣ отвѣчали: «Боги говорятъ, что не быть намъ живымъ отъ тебя».—«Правду сказали вамъ ваши боги», отвѣчалъ имъ Янъ. Тогда волхвы начали говорить: «Если отпустишь насъ, то много тебѣ добра будетъ; если же убьешь, то большую печаль примешь и зло». Онъ сказалъ имъ на это: «Если я отпущу васъ, то зло мнѣ будетъ отъ Бога», и потомъ, обратившись къ лодочникамъ, сказалъ имъ: «У кого изъ васъ они убили родныхъ»? Одинъ отвѣчалъ: «У меня убили мать», другой: «У меня сестру», третій: «У меня дочь»,—«Ну такъ мстите за своихъ» сказалъ имъ Янъ. Лодочники схватили волхвовъ, убили и повѣсили на дубѣ, а Янъ пошелъ домой. На другую ночь медвѣдь взлѣзъ на дубъ и съѣлъ трупы волхвовъ. Лѣтописецъ прибавляетъ при этомъ любопытное извѣстіе, что въ его время волхвовали преимущественно женщины чародѣйствомъ и отравою и другими бѣсовскими кознями.

Въ другой разъ всталъ волхвъ въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ Святославичѣ; онъ сталъ говорить къ народу, выдавать себя за бога; и многихъ прельстилъ, почти что весь городъ. Онъ хулилъ вѣру христіанскую, говорилъ, что все знаетъ, и что передъ всѣми перейдетъ Волховъ какъ по-суху. Въ городѣ всталъ мятежъ, всѣ повѣрили волху и хотѣли убить епископа. Тогда епископъ облачился въ ризы, взялъ крестъ, и, ставши, сказалъ: «Кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ къ нему, а кто вѣруетъ во Христа, тотъ пусть идетъ ко кресту». Жители раздѣлились на-двое: князь Глѣбъ съ дружиною пошли и стали около епископа, а простые люди всѣ пошли къ волхву, и былъ мятежъ большой между ними. Тогда князь Глѣбъ, взявши потихоньку топоръ, подошелъ къ волхву, и спросилъ у него:

Вѣрный слуга Андрея Боголюбскаго.

«Знаешь-ли, что будетъ завтра утромъ или вечеромъ»?—«Все знаю», отвѣчалъ волхвъ. — «А знаешь-ли, спросилъ опять Глѣбъ: что будетъ нынѣче»?—«Нынѣче, отвѣчалъ волхвъ, я сдѣлаю большія чудеса», Тутъ Глѣбъ вынулъ топоръ и разрубилъ кудесника, а люди, видя его мертвымъ, разошлись.

Не смотря однако на все это, христіанство распространялось все болѣе, и въ скоромъ времени волхвы уже не могли смущать народа. Вмѣстѣ съ христіанствомъ прививалась все болѣе и болѣе грамотность. Обычай посылать дѣтей учиться въ школы продолжался попрежнему. За это время число училищъ увеличилось; они были при церквахъ, епископскихъ дворахъ и въ другихъ мѣстахъ; многія училища князья заводили на свой счетъ.

Епископы и священники уже на столько образовали себя въ это время, что сами твердо знали всѣ правила вѣры христіанской и говорили поученія народу и князьямъ. Монахи же въ нѣкоторыхъ монастыряхъ стали записывать все случавшееся въ землѣ Русской, и такимъ образомъ въ этихъ своихъ лѣтописяхъ оставили намъ на память все, что происходило въ землѣ Русской.

Среди народа также являются въ это время народныя пѣсни, сложенныя на разные случаи. Чаще всего въ нихъ описываются подвиги богатырей и въ особенности борьба ихъ съ степняками. Изъ такихъ народныхъ пѣсенъ особеннаго вниманія одна, которая называется «Слово о полку Игоревѣ». Здѣсь неизвѣстный сочинитель разсказываетъ о несчастномъ походѣ сѣверскихъ князей Игоря Святославича съ братьею на половцевъ. Изъ другихъ народныхъ произведеній можно указать на пѣсню о Василіи Буслаевѣ, въ которой вѣрно изображается новгородкая старина.

Въ такомъ видѣ была Русь, когда на нее нагрянули татары.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА И ДЛЯ ДѢТЕЙ

отъ 10 до 15 лѣтняго возраста.

сугъ и Дѣло». «**Для дѣтскаго чтенія**». Изданіе это выходитъ шесть разъ въ отдѣльными книжками, составляя въ годъ отъ 12 до 18 книжекъ или о 50 листовъ, что по окончаніи года составитъ маленькую библіотеку раз-разнаго содержанія.

а собою многолѣтній опытъ по изданію дѣтскихъ книжекъ, большая часть орыхъ одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, кція какъ составленіе книжекъ, такъ и редактированіе ихъ поручаетъ ли-ь опытнымъ вполнѣ въ дѣлѣ школьнаго и народнаго образованія, и надѣется, выборъ этотъ вполнѣ удовлетворитъ указанной цѣли. Каждая книжка тъ заключать въ себѣ одинъ изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) повѣсти и казы поучительнаго содержанія; 2) разсказы изъ священной исторіи Ветхаго оваго Завѣтовъ; 3) отечественная исторія въ разсказахъ; 4) знакомство съ родою вообще и русскою въ особенности; 5) знакомство съ явленіями при-ы; 6) жизнеописаніе замѣчательныхъ людей и въ особенности русскихъ. Всѣ ги будутъ составлены такимъ образомъ, чтобы были вполнѣ доступны манію и гдѣ нужно сопровождаться рисунками.

Цѣна съ пересылкою 4 рубля.

ать письма и статьи для напечатанія слѣдуетъ такъ: «Досугъ и Дѣло», дѣтскаго чтенія, при картографическомъ заведеніи г. Ильина, въ С.-Петер-ѣ.

1. Счастливый человѣкъ. Повѣсть	30	к.	съ	перес.	35
2. Кладъ. Разсказъ	12	»	»	»	15
3. Кулибинъ. Механикъ-самоучка (*)	12	»	»	»	15
4. Подъ старость—радость. Повѣсть	25	»	»	»	30
5. Вулканы и землетрясенія. (*) Съ рис.	25	»	»	»	30
6. Ломоносовъ. (*) Съ рис.	15	»	»	»	20
7. Послѣдніе дни Спасителя (*) Съ рис.	20	»	»	»	25
8. Объясненіе Божественной литургіи	20	»	»	»	25
9. Равнины и пустыни. (*) Съ рис.	15	»	»	»	20
10. Луговыя и песчаныя степи. (*) Съ рис.	20	»	»	»	25
11. Воздухъ, насъ окружающій. (*) Съ рис.	20	»	»	»	25
12. Горы и горная природа. (*) Съ рис.	20	»	»	»	25
13. На Балканахъ. (*) Разсказъ	10	»	»	»	12
14. Наши моря	10	к.	съ	перес.	12
15. Подвиги русскихъ въ Турецкую Войну (*)	20	»	»	»	25
16. Жизнь св. угодниковъ	25	»	»	»	30
17. Начало Русскаго Царства. (*) Съ рис.	25	»	»	»	30
18. Русь отъ Ярослава до татаръ. (*) Съ рис.	25	»	»	»	30
19. Чай его польза (*)	10	»	»	»	15
20. Соль и гдѣ ее бе[illegible] (*)	10	»	»	»	15
21. Книжка для чтен[illegible] (*)	40	»	»	»	45
22. Смерть русскаго солдата Данилова (*) Съ рис.	20	»	»	»	25
23. Замѣчательный башмачникъ Томасъ Эдвартъ (*)	10	»	»	»	15

Книжки, означенныя звѣздочкою, одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

1. Рука Всевышняго Отечество спасла. Драма Кукольника.
2. Татарскій погромъ на Руси. Съ рисунками.
3. Русь отъ погрома до Ивана III. Съ рисунками.
4. Княженіе Ивана III. Съ рисунками.
5. Другъ и недругъ человѣка: Собака и Волкъ.
6. Тепло и холодъ. Съ рисунками.
7. Свѣтъ и что отъ него происходитъ. Съ рисунками.
8. Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ. Съ рисунками.
9. Вода и на землѣ и въ воздухѣ.
10. Источники и рѣки.
11. Океаны и моря. Съ рисунками.
12. Громъ и молнія. Съ рисунками.
13. Повѣсти и разсказы. Кукольника.

Всѣ означенныя книжки можно получать въ редакціи «**Досугъ и Дѣло**», *Торговая, д. № 17, кв. № 3*, а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Картографическомъ Заведеніи г Ильина и въ магазинѣ Главнаго Штаба, на Дворцовой площади.

Картины Русской Исторіи, вып. II, цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.